

Е. В. Перевалова

ШЕРТЬ, «МЕДВЕЖЬЯ ПРИСЯГА» И ПЛЯСКА С САБЛЯМИ*

Развернувшаяся в 1990–2000-х гг. среди отечественных историков дискуссия о характере присоединения Сибири и ее отдельных регионов к России затронула вопрос о критериях этого историко-политического процесса. Главными формально-правовыми показателями присоединения сибирских земель и народов к Российскому государству сибиреведы называли объявление туземцам «государева жалованного слова» и приведение к шерти¹ их элит (родоплеменных вождей, старейшин). Согласно мнению одних, «именно процедура шертования юридически закрепляла сибирских иноземцев в русском подданстве со всеми вытекающими отсюда последствиями».² Другие же, напротив, подчеркивали, что шерть, а также «жалованное слово» и указы о принятии в подданство «являлись правовыми актами, фиксировавшими формальную сторону дела», и не означали «реального присоединения территории, а тем более народа».³ Как свидетельствуют документальные источники, изначально шерть представляла собой подкрепленный обрядовыми действиями договор-присягу, necessarily связанный с принятием русского подданства туземными народами. Однако уже в начальный период присоединения Сибири шерть, приносимая туземцами по их обычаям и вере, становится неременным актом присягания на подданство русским царям и российским государям, устойчиво закрепляется в административных практиках и сохраняется

до начала XX в. Отдельные элементы представленной в архивных источниках церемонии шертования обнаруживаются в культово-ритуальных обрядах северных утров и самодийцев по сей день.

*«Кто сесь мир изменит,
по их нраву бог казни»*

31 декабря 1484 г. неподалеку от местечка Усть-Вымь (Северное Приуралье) между участниками организованного великим князем Иваном III Васильевичем похода на вогульского князя Асыку да «в Сибирь... и на великую реку Обь» (1483) и побежденными югорскими и кодскими князьками был заключен мир.⁴ Описание очевидцем церемонии заключения Усть-Вымского договора о мире — самое раннее документальное свидетельство о приведении к шерти югорской элиты.

В предыстории этого события летописи рассказывают о «неспокойствии» северо-восточных окраин Русского государства (западных и восточных склонов Урала) из-за постоянных набегов «безвернии вогуличи». В 1455 г. пелымский князь Асыка нападает на Пермь Великую, убивает пермского епископа Питирима (инициатора массового крещения коми-пермяков) и разоряет его резиденцию — городок Усть-Вымь. В 1481 г. Асыка и его сын Юмшан осаждают Чердынь, сжигают Покчу, жестоко расправляются с великопермскими князьками, являвшимися вассалами Москвы. В 1465 и 1467 гг. пелымцам были нанесены ответные удары, и Югорские земли «за великого князя приведены».⁵ Особенно удачным стал

¹ Шерть — присяга на подданство, шертовать — присягать, давать клятву.

² Конев А. Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2006. Вып. 6. С. 172.

³ Зуев А. С. «Присоединение» Сибири к России: к вопросу о терминах и понятиях // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия История, филология. Т. 4. Вып. 2: История. Новосибирск, 2005. С. 29–30.

Перевалова Елена Валерьевна — к.и.н., заведующая сектором этноистории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: elena_perevalova@mail.ru

* Работа выполнена по проекту № 12-П-6-201 «Истоки и традиции уральских культур: пространственно-временная динамика» и по проекту № 12-С-6-1005 «Границы и перекрестки урало-сибирского пространства: сценарии этнокультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)»

⁴ Благодаря публикации С. В. Бахрушина и работам екатеринбургских историков Усть-Вымский договор о мире 1484 г. широко представлен в научной и научно-популярной сибиреведческой литературе. См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С. В. Науч. тр. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 152; Морозов В. М., Пархимович С. Г., Шашков А. Т. Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 78–82; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: хрестоматия. Екатеринбург, 1999. С. 37–39; Шашков А. Т. Первые московские походы за Урал и Усть-Вымский мир 1484 г. // Обские утры: материалы II Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря 1999 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 1999. С. 168–171; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 82–84; и др.

⁵ ПСРЛ. 1982. Т. 37. С. 89, 91; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихийская) летопись // Родники пармы. Сыктывкар, 1989. С. 26.

зауральский поход 1483 г., возглавляемый воеводой Иваном Салтык Травиным и князем Федором Курбским Черным: близ устья Пелыма было разбито войско Юмшана (сам князь бежал в Конду), а далее «повоеваша Сибирскую землю», ратники двинулись на реку Обь, где пленены были «большой» князь Молдан и сыновья князя Екмычя — Сонта и Чалмак.⁶

Весной 1484 г. в Усть-Вымь прибыла делегация от вогульского князя Юмшана. Целью намеревавшейся добратся до русской столицы миссии было получение от Ивана III опас⁷ для своего князя. В сопровождении пермского епископа Филофея посольство отправилось в Москву. По ходатайству владыки великий князь «Юмшану опас дал и велел ему у себя быти». Епископ остался в Москве, а опас был отправлен в Пелым. Задержка Филофея в стольном граде была связана с ожиданием еще одного посольства: из разгромленных русской ратью обских земель ехали послы во главе с князем Пыткеем бить челом «о полоненных кнезех о Молдане с товарищы». Великий князь пленников пожаловал и отпустил в свои земли. «Поминки великие» (дары) Ивану III через послов отправили князя Лаба (Ляба, Лапа) и Чангил. На обратном пути в Сибирь югорско-кодское посольство вместе с освобожденными из плена князьями и владыкой Филофеем остановились в Усть-Выми. Сюда же прибыли с низовий Оби старший сын Екмычя, Пынзей, и сыновья Молдана. Как сообщают летописи, съехавшиеся на пике зимы в резиденцию пермского владыки югорские и кодские князья «имали мир» с участниками зауральского похода 1483 г. — русскими, вымичами и вычегжанами. «За вси свои земли, что под ними люди есть» князья поклялись «лиха не мыслити, ни силы не чинити некоторые над пермскими людьми, а государю великому князю правити во всем».⁸

⁶ ПСРЛ. 1959. Т. 26. С. 275, 276; ПСРЛ. 1982. Т. 37. С. 95. О походе подробнее см.: Шашков А. Т. Указ. соч. С. 169, 170; Он же. Северный Урал и Нижнее Приобье в конце XV—XVI вв. (по русским и иностранным источникам) // Историческая наука на рубеже веков: ст. и материалы науч. конф., посвящ. 60-летию ист. фак. УрГУ им. М. Горького. Екатеринбург, 2000. С. 94, 95.

⁷ Опас — охранная грамота.

⁸ ПСРЛ. 1959. Т. 26. С. 276, 277. Кодские и Югорские земли в Москве и в Усть-Выми представляли: кодский князь Пыткой и находившийся с ним в родстве кодско-казымский князь Молдан с сыновьями, обдорский князь Екмычя (в лице его сыновей Пынзя, Сонта и Чалмака) и заочно нижнеиртышский князь Чангил (Цингал) и сыгвинско-сосвинский Ляб. См.: Шашков А. Т. Первые московские походы за Урал... С. 170–171; Он же. Северный Урал и Нижнее Приобье... С. 95.

Вместе с тем текст самой шерти не позволяет рассматривать Усть-Вымский договор о мире ни как формальный, ни, тем более, как номинальный акт присоединения югорских и кодских земель к Москве. В шерти содержатся конкретные договорные положения, которые характеризуют ее скорее как пакт о ненападении двух враждующих сторон. Дополнением к мирному договору стало соглашение о создании союзнической коалиции кодичей и обдорцев против князя Ляпы (Лабы, Лябы). Союзники — князья Молдан, Пыткой и сыновья Екмычя — «за Ляба миру не имали того ддя, что не под ними», и уговорились, как «поедет Ляб Обдора воевати и кодичем весть держати обдорцам».⁹ И хотя в составе двух югорских посольств были представители туземной элиты многих вогульских и югорских княжеств, Москве потребовалось более десяти лет, чтобы формально подчинить территории Северного Урала и Нижнего Приобья. (В ходе большого похода «за Камень» (1499/1500) — «в Югорскую землю, на Куду и на гогуличи» — воеводы С. Ф. Курбский и П. Ф. Ушатый разгромили Ляпинское и Пелымское княжества, а северо-югорские князья, согласно договору 1484 г., оказали помощь русской дружине, предоставив ратникам собак, а князьям — оленей).¹⁰

Процедура заключения Усть-Вымского договора о мире 1484 г. представляла собой сложное процессуально-ритуальное действие. А. Т. Шашков, исходя из реального исторического контекста, детально воссоздал последовательность проведения ритуала. Он по праву назвал синтезированный из русско-христианской и угорской традиций обряд «беспрецедентным» и поразительным по своей «гибридности»: «в устье Выми была установлена «жердь протолста» с затесами на четыре стороны света, на которой закреплена небольшая ель комлем вверх; на этой конструкции русские поместили крест, а под ним югричи — «по своему жабу берестену»; под этим символическим «иконостасом» была разложена медвежья шкура, а на нее положены скрещенные сабли остриями вверх, хлеб и рыба. Шертная церемония заключалась в очередном произнесении клятвы представителями враждующих сторон: князья кодские

⁹ См.: Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 152.

¹⁰ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 2005. С. 198–200.

¹¹ Шашков А. Т. Первые московские походы за Урал... С. 168–171; Он же. Северный Урал и Нижнее Приобье... С. 94–97.

и югорские Молдан и Пыткей, их сыновья и братья попарно с князьями вымскими, Петром и Федором Васильевичами, вымскими и вычегодскими сотниками всходили на медвежью шкуру, при этом христиане садились под жабой и крестом, а язычники трижды обходили вокруг ели посолонь, «дръжати две сабли, подкнув елку острее вниз», со словами: «Кто сесь мир изменит, по их нраву бог казни». Затем христиане кланялись кресту, а язычники — «на полдень». Завершался ритуал питьем воды из золотой чаши с приговором: «Если кто изменит, то ты, золото, чуй!»¹²

Сходный сюжет изображен на литом серебряном перстне, найденном на вогульском могильнике Эсский остров (Нижнее Приобье, конец XV — XVI вв.).¹³ На сердцевидной печатке перстня выгравировано изображение хвойного дерева (возможно, перевернутая ель), по обе стороны от которого расположены фигуры людей в длиннополых одеждах с расставленными ногами. В поднятых руках они держат по сабле острием вниз. У правой фигуры в руке предмет, напоминающий чашу.¹⁴ А. Т. Шашков предположил, что перстень с изображением обряда священной клятвы мог использоваться при скреплении каких-либо документов, поскольку на печатке сохранились следы органического материала, сходного с сургучом. Сама церемония мирной клятвы, по его мнению, напоминает обрядовые пляски северных остяков «в честь идола Еляня», описанные Н. А. Абрамовым (1840-е гг.).¹⁵

Засвидетельствованная в письменных источниках церемония шертования 1484 г. включала использование культовой атрибутики (жердь с затесами на четыре стороны света и ель, берестяная жаба и крест, медвежья шкура, рыба, сабли и золотая чаша) и ритуальной пищи (хлеб, вода), особое ритуальное поведение и символические действия участников обряда (обход посолонь ритуальной площадки, втыкание сабель в дерево, поклоны кресту и поклоны «на полдень») и речевую мотивацию (произнесение клятвы). Этнографическое «прочтение» документа позволяет сделать акцент на одном из главных моментов шертования — на сооружении своеобразного

культового объекта (святилища-иконостаса), где каждая из сторон (язычники и православные) могла совершить клятву-обряд «по своей вере». Крест и хлеб — явно христианские атрибуты, медвежья шкура, перевернутая ель, берестяная жаба, рыба — угорские, оружие (сабли) и золотая чаша с водой могли быть использованы в обрядах как той, так и другой стороной. Отметим также, что участвовавшие в шертовании вымичи и вычегожане — вчерашние язычники, крещенные Стефаном Пермским в конце XIV в.

«На чем ему, государю, шерть дали»

Пожалуй, самым неудивительным в описанном сюжете выглядит использование во время заключения Усть-Вымского договора о мире 1484 г. медвежьей шкуры. Как известно, в угорской традиции медведь выступает главным судьей клятвоступлений: клятва на шкуре, лапе или жиле, когтях или клыках, голове или черепе медведя представляется высшей мерой ответственности и правосудия. По всей видимости, древнеугорская традиция была включена в церемонию шертования еще до присоединения Сибири к Русскому государству.

Исследуя нормативно-правовые акты конца XVI—XVIII вв., А. Ю. Конев выявил два вида шерти-присяги — шертование и шертные договоры на подданство и верную службу царю и шерть-клятву как процессуальное действие в ходе «обысков» (следственных действий) и при отправлении правосудия. В первом случае шертование имело то же юридическое значение, что и крестоцелование православных подданных, но проводилось по обычаям и вере иноземцев. Во втором случае шерть-присяга включалась в процессуальные действия в суде и функционировала «как элемент судов Божиих». В XVIII в. апелляции к шерти как к особой форме принятия подданства исчезают из правительственных указов, наказов местным администраторам, не встречаются в инструкциях первым сибирским губернаторам.¹⁶ Правопреемницей шертования, на наш взгляд, становится так называемая «медвежья присяга». Она не отличалась от шерти функционально, т. е. использовалась российской администрацией при присяге вогулов, остяков, самоедов на верность государю и в судебных разбирательствах, и дополнялась теми же

¹² Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 152.

¹³ Музей истории и этнографии г. Югорска. МЮ ОФ-858.

¹⁴ См.: Морозов В. М., Пархимович С. Г., Шашков А. Т. Указ. соч. С. 147; История Ханты-Мансийского автономного округа... С. 108.

¹⁵ Шашков А. Т. Первые московские походы за Урал... С. 171; Он же. Северный Урал и Нижнее Приобье... С. 95, 96.

¹⁶ См.: Конев А. Ю. Указ. соч. С. 172–175.

обрядовыми элементами — использованием оружия (ножей, топоров, сабель) и хлеба.

Церемонию остяцкой и самоедской присяги описывают в своих трудах Г. Новицкий (1721) и В. Ф. Зуев (1771–1772). В частности, Новицкий сообщает, что среди кумиров у остяков особо почитается медведь, отчего они «клятвы своя на кожи утверждают и зело со опасием соблюдают», считая, что «кленуциися лестно» «от зверя сего поражаемы и убиваемы бывают». Когда остяки присягают на верность государю, перед ними обыкновенно расстилают «зверя кожу, на ней же топор, нож и инныя страсти орудия» и подают им кусок хлеба на конце ножа, а они произносят за толмачом: «Аще лестию сию клятву утвораете, и неправедно служить и радеть в отдании ясаку будете, зверь сей отмщение вам да будет и от него смертию да постраждете. Хлеб сей и нож да погубит тя, аще не правдою верностию, ею же обещаешься, творыти хочещи».¹⁷

В. Ф. Зуев различает у самоедов и остяков клятву и присягу. По его наблюдениям, самоеды клянутся «всем, что только глазами видят», не оставляя «ни самого огня, ни неба, ни воды, ни воздуха», и клятве этой они не всегда верны, особенно «в долгах или торгу с русскими». Однако в важных делах, в частности «в воровстве и в верности... заведены у их присяги». Когда они «пред воеводою государю должны учинить присягу, то сведут их в одно место, а за множеством делят их на разные круги, положат перед ими топор, коим рубили медведя, и дают каждому с ножа съесть кусок хлеба», при этом он произносит: «Если я моему государю до конца жизни моей верен не буду, но волею отступлю и верность нарушу, надлежащего ясака не заплачу, сам куда уйду или иным образом винно себя учиню, то да растерзает меня тот медведь, сим хлебом, который ем, да подавлюся, и чтоб мне сей топор голову отсек, а ножом мне бы зарезаться». Зуев добавляет, что текст присяги, а также сама церемония и ее вариации (например, удержание над головами присягающих обнаженной сабли, кусание шкуры медведя зубами и др.) зависели от толмача. Определенной формулы «медвежьей присяги» не существовало, однако она всегда носила публичный характер.¹⁸ Для присяги «белому царю»

использовались только внешние сакральные элементы многомерного культа медведя, существовавшего у угров и самодийцев.

В разных версиях «медвежья присяга» описывается в трудах П. С. Палласа,¹⁹ И.-Г. Георги,²⁰ В. Н. Шаврова,²¹ Ф. Белявского,²² М. А. Кастрена,²³ Н. Н. Харузина²⁴ и др. По-видимому, к началу XVIII в. этот обычай закрепился в отношениях Москвы с сибирскими туземцами. В административных практиках «медвежья присяга» сохраняется до конца XIX в. На акварельном рисунке тобольского художника М. С. Знаменского «Присяга самоедов язычников на медвежьей шкуре» (альбом «От Тобольска до Обдорска» с работами 1862–1887 гг.) изображены чиновник и самоеды, а между ними на столе разложена медвежья шкура.²⁵ На его же рисунке «Самоедский и остяцкий князь Тайшин приводит к присяге самоедов, не сознавшихся в краже оленей» представлен момент клятвы на лапе медведя в княжеской юрте²⁶ (см. цв. вклейку).

В церемонии шертования явными языческими атрибутами, наряду со шкурой медведя, были перевернутая ель, берестяная жаба и рыба. Срубленные деревья (ель, лиственница, береза) довольно часто используются в обрядах северных групп хантов. У рода *канась ёх*, включавшего фамилию обдорских князей Тайшиных, священное дерево — *сорни юх* (золотое дерево), т. е. лиственница, к стволу которой привязывают семь тарелок и изображения трех богов. «*Сорни юх* ежегодно меняли: новым сукном обматывают и поставят, оленей забьют и шкуры рядом повесят». Священное дерево было настолько тяжелым, что Тайшиным для того, чтобы его поднять, приходилось

в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов, сочиненное студентом Василием Зуевым // Путешествия по Обскому Северу. С. 175–176.

¹⁹ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Кн. 1, ч. 3. СПб., 1788. С. 74.

²⁰ Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007. С. 109.

²¹ Шавров В. Н. Краткие записки о жителях Березовского уезда. М., 1871. С. 9–10.

²² Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 87–88.

²³ Кастрен М. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Лапландия. Карелия. Россия. Тюмень, 1999. С. 224.

²⁴ Харузин Н. Н. Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов. М., 1899.

²⁵ См.: От Тобольска до Обдорска. Рисунки М. С. Знаменского. Факс. изд. Тобольск, 2008.

²⁶ См.: Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ялмал. СПб., 1868. С. 106.

¹⁷ Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень, 1999. С. 53–54.

¹⁸ См.: Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии

приглашать на свои празднества представителей других родов (ПМА, 1988). На священных местах на Полярном и Приполярном Урале и в лесотундре срубленные деревья намеренно выставляли для закрепления даров (лоскутов тканей). По рассказам североуральских оленеводов, «на священной горе *Хадам нэ* (Старуха-камень) было три обрядовых места — у подножия, на середине и на вершине. В старину на таких местах хранилось много щитов, мечей, сабель. На вершину, к священному озеру, поднимались только старики. Жертвоприношение совершалось у подножия: придут, песка оставят, где-то срубят березу, поставят и завяжут платок или ткань с копейками» (ПМА, 1989).

«Свидетельницей» договора о мире на Усть-Выми в 1484 г. стала закрепленная на столбе вместе с христианским крестом «жаба берестяна». Земноводные, и прежде всего лягушка, в мифологии и культовой обрядности обских угров занимают одно из ведущих мест.²⁷ «Шайтанская мать» (лягушка) у васюганских хантов выступала поручительницей при заключении мира между недругами. Во время церемонии примирения «бывшие враги вставали перед жертвенником друг против друга, взяв в руки топоры», затем рубили землю «крест на крест», забивали коня или корову.²⁸ К сожалению, по описанию шертования невозможно установить, была ли берестяная жаба использована как божество, регулирующее вопросы войны и мира, или она являлась духом-покровителем одного из родов или группы присягающих югорских князей.

О включении рыбы в церемонию заключения Усть-Вымского договора о мире говорить довольно сложно, так как отсутствуют какие-либо данные о ее видовой принадлежности и о действиях по отношению к ней. О клятвах с использованием рыбы (целование носа щуки у иртышских остяков и отрубание носа щуки перед идолом у кондинских вогулов) сообщали С. К. Патканов²⁹ и П. П. Инфантьев.³⁰ В этой связи можно отметить табуирование щуки северными хантами и лесными ненца-

ми Айваседа,³¹ североуральскими и тундровыми ненцами.³² В разных вариациях запретные традиции (табу на разделку и употребление в пищу щучьей головы, печени и живота и/или на употребление щуки в любом виде женщинами во время регул, запрет на употребление в пищу щучьей головы мужчинами, отрезание носа или головы щуки перед приготовлением), а также родовые духи-покровители в образе щуки сохраняются у северных групп хантов и ненцев. В целом, набор культовых атрибутов (медвежья шкура, берестяная жаба, перевернутое дерево, рыба), выбранных для совершения обряда шертования, соответствует североугорской традиции, что не противоречит историческому контексту заключения Усть-Вымского договора о мире, где одной из сторон являлась кодско-обдорская элита.

Традиция произнесения клятвы перед образами языческих богов, несмотря на массовую христианизацию вогулов, остяков и частично самоедов, также широко вошла в административные практики управления сибирскими туземцами. Кроме клятвы на шкуре медведя, Г. Новицкий описывает присягу ответчиков и свидетелей в междоусобных спорах «пред идолами». По традиции старейшины давали присягающему в руки нож и повелевали: «Аще ты сему на тя важдающему невиновен, се имашы нож. Возьми идола... сокрушай и ссецы его; не опасен же вины возьмет идола, сокрушает и ссечет приговаривая “взыщы виновнаго и тако сокрушай, сдержай в работе своей враг”».³³ В. Ф. Зуев отмечал, что в случае ссоры между туземцами выбирались «посредственники», «по сказкам» которых велось разбирательство. Присягающего подводили к «божку», давали в руки нож и топор, коим он был должен «болвану нос отрезать» и «божка порубить», произнося слова клятвы: «Если я в сем споре неправо клянся, то хочу равномерно нос мой потерять и топором изрублен быть, и чтобы меня медведь съел в лесу, и всяко бы несчастье на меня пришло».³⁴

Свидетельства использования «медвежьей присяги» и клятв перед языческими богами встречаются и в официальных документах.

²⁷ См.: Первалова Е. В. «Между кочек живущая женщина» (культ лягушки у обских угров) // Урал. ист. вестн. 2010. № 1(26). С. 117–129.

²⁸ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 275.

²⁹ Патканов С. К. Сочинение: в 2 т. Т. 1: Остяцкая молитва. Тюмень, 1999. С. 191.

³⁰ Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов. СПб., 1910. С. 92, 94–95.

³¹ См.: Первалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 267–268.

³² См.: Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. 1947. № 6–7. С. 162, 172; Головин А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 102.

³³ Новицкий Г. Указ. соч. С. 54–55.

³⁴ Зуев В. Ф. Указ. соч. С. 175–177.

В «Описаниях о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах» (1782) характеризуются присяга на верность государю и клятва при спорах или судебном разбирательстве. В первом случае «их ведут в приказ, и положат перед ними медведной топор, и дают каждому кусок хлеба с ножа съесть, и потом обещаются тако: “если я моему государю до конца жизни моей верен не буду, но волею отступлю и верность нарушу, надлежащего есакка не заплачу, сам куда уйду, или иным образом винна себя учиню, то да растерзает меня сей медведь и сим хлебом, который ем, да подавлюся, и чтоб мне сей топор голову отсек, а ножом зарезатца”». Во втором случае «присягающего поведут к божишку и от неправой клятвы увещевают... потом дадут ему нож, которым он божишку нос обрежет, и топор, которым его порубит, говоря “естли я в сем споре неправо кленуся, то хочу равномерно нос мой потерять и топором изрублен быть, и чтоб меня медведь в лесу съел, и всякое б бесчастье на меня пришло”».³⁵

В различных модификациях клятвы-присяги становятся одним из механизмов имперского управления сибирскими инородцами. Обдорский отдельный заседатель Ю. И. Кушелевский отмечал, что самоеды присягу принимают, целуя «переднюю лапу медведя» или «лед, взятый из тех вод, которые ими обожаются». В последнем варианте прибегают к следующему обряду: истец берет противника за конец языка и «ножом надрезает крестообразно снег или землю», приговаривая: «Если соврешь, то пусть твой язык распадется на части, как распадется разрезанный снег». А «когда один другого приводит к присяге... то берут друг друга за концы языка», заклиная, что у нарушившего клятву язык высунется «до земли, как стоит воткнутый в снег нож».³⁶ Согласно угорской и самоедской традициям, всякое воздействие металлическими предметами на воду, огонь и землю (колоть или резать ножом, рубить топором, копать лопатой) считалось неприемлемым. Возможно, начертание креста во время клятвенных церемоний (как и его присутствие в шертовании 1484 г.) явля-

лось своеобразным языческо-христианским компромиссом клятвы-присяги.

Изучавший на рубеже XIX–XX вв. религиозные верования и обряды обских угров К. Ф. Карьялайнен выявил широкий спектр «клятвенных церемоний». Главным «свидетелем клятвы», по его мнению, является медведь. Представленные в разных источниках варианты «медвежьей присяги» включают, как и в обряде шертования 1484 г., использование, наряду с медведем (шкура, лапа и т. д.), ножа, топора, огня, хлеба. Кроме «медвежьей клятвы», Карьялайнен описывает клятвы на волчьей шкуре, на «щуре» и «мамонте», на «огне», «воде» и «снеге», на «оружии», «хлебе» и «у изображений духов». «Истинно угорскими» символами он признает медведя, волка, щуку, мамонта, огонь (угли) и воду, а «общеугорскими» — «только медведя и, возможно, огонь». Русское влияние, по его мнению, привнесло в традиционную югорскую версию клятвы новых «свидетелей» (хлеб, оружие), участие нескольких свидетельствующих объектов одновременно и развернутую словесную форму (суть первоначальной югорской клятвы заключалась в действии).³⁷ В целом, предложенная Карьялайненом версия вполне убедительна. Однако с отдельными его утверждениями (например, что использование в клятвенных церемониях оружия приобретает значение только во времена русского господства) согласиться сложно. Если в клятвах-присягах холодное оружие использовалось пассивно (на топоре или ноже подавали хлеб, сабли обнажали над головами присягающих), то древнеугорская традиция, возможно, заключалась в его активном ритуальном применении.

*И над рекой звучал
призывный клич «гей! гей!»*

Появление в прикладном искусстве таежного Предуралья и Обь-Иртышья изображений воинов в доспехах и шлемах и канонических сюжетов «танца с оружием» археологи связывают с выделением военной знати и со сложением военных вожеств. Самые известные находки — костяная нагрудная пластина с изображением воина и двух больших кинжалов со святилища Усть-Полуй (Нижнее Приобье, I в. до н. э. — I в. н. э.), бронзовая пла-

³⁵ См.: Андреев А. И. Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах // Советская этнография. 1947. № 7. С. 102.

³⁶ Кушелевский Ю. И. Указ. соч. С. 106–107.

³⁷ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов: в 3 т. Томск, 1996. Т. 3. С. 130–145.

кетка в виде воина с саблями с Барсовского I могильника (Среднее Приобье, VIII–IX вв.), хазарский серебряный ковш с гравировкой восьми воинов с оружием (с саблями, боевыми ножами и топорами) из Кодского городка (Нижнее Приобье, IX в.), серебряное блюдо из с. Больше-Аниковская с фигурами «шаманов» с саблями в руках (Приуралье, IX–X вв.), и бляха из сплава серебра и бронзы с изображением трех воинов с длинными ножами из Березово (Нижнее Приобье, IX–X вв.)³⁸ (см. цв. вклейку). Согласно устному сообщению Н. В. Федоровой, сюжет «танца с оружием» широко представлен в работах мастеров Приуралья, Нижнего и Среднего Приобья. Возможно, он появился в раннем железном веке (находки этого периода единичны — нагрудные пластины от доспехов Усть-Полуйский и из Дубровинского Борка) и широко распространился в средневековье, примерно с XIII–IX вв. (литье и гравировка). Изображения воинов объединяет наличие головных уборов с трехконечным верхом (шлем?) и клинкового оружия в поднятых руках. В. Н. Чернецов соотнес этот сюжет с угорской мифологией и интерпретировал его как изображение *менкво*, т. е. духов фратрии Пор, «в характерной позе священной пляски с мечами».³⁹ В 1930-х гг. исследователь наблюдал священную пляску с оружием во время проведения медвежьего праздника в Вежакарах (Ялп-ус) на Оби. Танец состоял в медленном движении по солнцу мужчин с «саблями» в руках вокруг стоящего в центре человека с *сангыльтапом* — струнным музыкальным инструментом. Движения танцующих сопровождалась выкриками.⁴⁰

Воинское обмундирование, снаряжение и оружие (как реальные, так и вотивные об-

разцы) составляли весомую часть арсеналов угорских святилищ и широко использовались в религиозно-обрядовой практике хантов и манси.⁴¹ Исследовавший этот феномен А. В. Бауло, привлекая широкий археологический и этнографический материал, определил, что у обских угров, чьи духи-покровители почитались как богатыри-предки, преподнесенное им в дар оружие (сабли, мечи, боевые ножи, бердыши, топоры) становилось атрибутом божества или его непосредственным воплощением. В драматических сценках на медвежьих игрищах изображавшие духов-богатырей актеры появлялись с саблями в руках. Кроме того, сабля имела сходные функции с бубном и использовалась в шаманских камланиях.⁴² Добавим, что редкий персонаж североугорского пантеона обходится без оружия: «на сабле-коне» развезжал *Мир сусне хум*, «сабли» имели казымская богатырша *Вут ими*, пельымский *Полум Торум* и нижнеобский *Тек ики*. Хранящаяся в священных нартах и лабах военная амуниция, и прежде всего «сабли», и сегодня пользуется особым почтением: с ее наличием и состоянием (сохранностью) связывается благополучие, здоровье и удача рода и семьи, а проводимые на капищах обряды сохраняют некоторые элементы описанных очевидцами плясок с оружием (ПМА, 2009, 2011, 2013).

Пляска с оружием была составной частью праздника «в честь бога... *Яляня*», который штаб-лекарь В. Н. Шавров наблюдал 27 декабря 1821 г. «в Паширцовых юртах», в 5 верстах от Обдорска. Церемония началась вечером со сбора остяков в назначенной юрте. Каждый входящий «вертелся по три раза перед кумиром». Затем мужчины рассаживались «на правой стороне», для женщин предназначалась левая, закрытая занавесом, сторона нар. Когда все собрались, шаман раздал мужчинам сабли и копыя, лежавшие «над кумиром на шестах», «а сам, взяв по сабле в ту и другую руку, стал к кумиру спиной». Выстроившись вдоль юрты рядами, мужчины повернулись «по три раза, держа перед собою сабли и копыя». Шаман ударил «саблями одна о другую», и по его команде остяки «разными голосами... зайкали», при выкриках они «пе-

³⁸ См.: Угорское наследие / А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров, Л. М. Терехова, Н. В. Федорова. Екатеринбург, 1994. С. 82, 133; Нягань. Города на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. С. 15, 23; Сокровища Приобья: Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Салехард; СПб., 2003. С. 52; Лещенко В. Ю. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976. С. 181, рис. 21а; Усть-Полуй: I в. до н. э.: каталог выставки. Салехард; СПб., 2003. С. 65.

³⁹ По мнению В. Н. Чернецова, в угорской традиции *менквы* (лесные духи) изображались в виде существ с человеческими и медвежьими чертами, трехпальными и с остроконечными или многоконечными головами; трехголовость могла передаваться «в виде трехзубого темени». См.: Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Материалы и исследования по археологии. М., 1957. № 58. С. 189–190.

⁴⁰ Мужская пляска с оружием отличалась от действий актеров, изображающих прибытие на праздник имеющих сабли богов. См.: Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987. С. 217, 229, 247.

⁴¹ См.: Источники по этнографии... С. 200, 205; Бауло А. В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск, 2004. С. 96–114; Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: дом и космос. Новосибирск, 1990. С. 84–86; и др.

⁴² См.: Бауло А. В. Указ. соч. С. 99–109.

реваливались то направо, то налево, осаживая сабли и копья несколько книзу и поднимая вверх». Действие продолжалось около часа. Затем оружие было собрано, женщины вышли из-за занавеса, и началось театрализованное представление. В конце праздника шаман вновь раздал оружие, и мужская пляска повторилась.⁴³

Из кратких записок В. Н. Шаврова описание пляски попадает в труды Ф. Беляевского,⁴⁴ Н. А. Абрамова⁴⁵ и М. А. Кастрена. Согласно данным последнего, подобное большое празднество устраивалось несколькими родами остяков каждый год и длилось до десяти ночей. Сама «пляска с оружием в руках» исполнялась «перед идолами в первую ночь одним только шаманом, во вторую — двумя остяками, в третью — тремя», и так «в той же прогрессии до последней ночи», когда к участию допускались даже женщины.⁴⁶

Обряд жертвоприношения божествам северных остяков, частью которого была пляска с саблями, описан венгерским лингвистом и этнографом Й. Папая. Обряд проводился в остяцких юртах Вулпасл на Нижней Оби. В первую ночь действие происходило в «жертвенной юрте», на следующий день на улице было совершено жертвоприношение для *Хин-орт-нох* (сына духа болезни), а ночью — в соседней юрте — для *Орт-ёх* (князьего сына). В первую ночь в юрте собралось около 20–30 мужчин, шаман и несколько женщин и детей. В середине юрты горел огонь, у фигуры божества лежало около 50–60 мечей. До начала праздника большинство мужчин уходило на несколько часов для совершения сакральной части обряда. Заданные вернувшимся участникам обряда вопросы («Пошел огонь?» и «Удалась ли жертва?») свидетельствовали о совершении жертвоприношения на святилище, куда чужак-исследователь допущен не был. После трапезы по распоряжению шамана двое мужчин взяли мечи и раздали их присутствующим. Мужчины выстроились по обе стороны от очага, а шаман, взяв два маленьких молотка, встал перед ними. «Он ударил молотками друг о друга, и все издали дикий крик “хай”, и, качаясь то вправо, то влево, поднимали и опускали свои мечи, по-

стоянно выкрикивая “хай, хай”». Затем шаман обходил ряды танцующих, «впереди и позади него шло по одному человеку с саблей в руке, оба качались слева направо, передний шел спиной вперед». Всякий раз, когда шаман стучал молотками, «поднимался ужасный рев». Действие продолжалось около получаса. После драматических сценок танец с мечами был повторен. Затем последовали песни, и танец с оружием был исполнен в третий раз. На вторую ночь в юрте был разведен «большой костер», который шаман обошел семь раз, вылив в огонь горшок жира. После чего был вновь повторен танец с мечами.⁴⁷

По нашим полевым данным, северные ханты родов *вытпосл-ях* и *осяс-ях* поклонялись божеству *Мукута чи* (Без крыши),⁴⁸ которого считали «богом из богов». На его святилище стоял сруб без крыши, где хранилось изображение божества. В «доме без крыши-потолка никогда не было снега. А вокруг сруба было разбросано множество птичьих костей, так как всякая пролетающая мимо птица, издав крик, падала замертво». *Мукута чи* мог принимать образы лебедя, рыжего лиса и оленя.⁴⁹ Для него три года подряд устраивали «большие жертвоприношения», после чего наступал трехлетний перерыв. Обряд проводился «в декабре, в самое холодное время, на полную луну». На «танцевальный ручей (р. Ныды-яха) съезжалось до 50 нарт». Женщинам присутствовать на церемонии не разрешалось — они оставались в специально поставленном чуме. Мужчины уходили на ритуальное место, выше по ручью. «На танцевальный ручей *Мукута чи* везли, усадив на топорище, которое было привязано к оленю, а тот, в свою очередь, — к нартам хранителя духа». Перед началом ритуальных плясок мужчины разводили большой огонь: «Срубали молодую ель, помещали в центр костра, обливали рыбьим жиром и поджигали, огонь вспыхивал, а затем падал». Если во время разведения костра «одна из женщин выходила или выглядывала из чума, огонь вспыхивал так сильно, что у мужчин обгорали опушки капюшонов малиц и гусей». В жертву *Мукута чи* приносили 3 оленя, или 7 оленей, или даже «семь по семь

⁴³ Шавров В. Н. Указ. соч. С. 11–12.

⁴⁴ Беляевский Ф. Указ. соч. С. 89–91.

⁴⁵ Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Зап. Рос. геогр. о-ва. СПб., 1857. Кн. 12. С. 342–343.

⁴⁶ Кастрен М. А. Указ. соч. С. 221, 222.

⁴⁷ Карьялайнен К. Ф. Указ. соч. С. 122–124.

⁴⁸ По разъяснению информаторов, имя божества можно перевести как «без крыши и потолка, а точнее — без священных шестов *си*, проходящих над костром вдоль чума».

⁴⁹ Вероятно, это самый северный вариант угорского божества *Мир сусне хума* или Явмала.

олений». После трапезы мужчины возвращались к женщинам и устраивали «общие игры» (ПМА, 1998).

Раньше во время «больших жертвоприношений», устраивались пляски с оружием. Так, на главном святилище куноватовских хантов — на *Лух авыт нэль* (Мысе духов) — стояли остроголовые изваяния трех братьев-богатырей *Мось ху*. В деревянной колоде хранились их доспехи и оружие. Один раз в семь лет сюда со всей округи съезжались ханты и устраивали «военные пляски»: над рекой звучал призывный клич «гей! гей!», и сверкали поднятые вверх мечи и сабли. Здесь же исполнялись священные песни о победах братьев-богатырей в войнах с ненцами *ур ёх*, приносились жертва богам и проводились гонки на оленьих упряжках (ПМА, 1990).

Клиновое оружие и сегодня продолжает активно использоваться в ритуально-обрядовых практиках северных хантов. «Сабли-богатыри» являются «слугами» главного божества сынских хантов — Великого духа Уральских гор *Кев урр ху акем ики* (Каменного богатыря-мужчины дядьки-старика). Он сын верховного бога *Нуми Торума*, покровитель оленей и уральских оленеводов, поэтому чаще его величают *Хоран ики* (Оленный старик). Его лик имеется на «маншике» (хвостике) каждого оленя, его «собака» — волк. Хозяевами духа считаются сынские ханты Лонгортовы, роль его «слуг» выполняют Куртямовы и Вальгамовы. В настоящее время хранителями *Хоран ики* являются братья Емельян и Афанасий Куртямовы: первый ухаживает за самим божеством, второй — за «священным топориком». ⁵⁰ Раньше *Хоран ики* «каслал»: его возили на Урал и к устью реки Сыни, а теперь он постоянно находится около деревни Вытвозгорт. На святилище *Хоран ики* приходят дважды в год — весной, перед уходом оленеводов на Урал, и осенью, когда они со стадами возвращаются на Сыню. Во время весеннего жертвоприношения божество укладывают плашмя в амбарчик. Оленеводы берут из амбарчика «сабли» и «в течение лета возят в нартах бригадира, чтобы удачно добраться до пастбищ и провести летовку», а хранитель уносит «топорик» домой. Во время осеннего жертвоприношения фигуру кумира «сажают» на нарты. Оленеводы возвращают взятые на лето священные вещи, храни-

тель кладет «топорик» в амбарчик. В дар божеству подносят дорогие ткани и забивают от 3 до 7 белых оленят (ПМА, 2009, 2011, 2013).

А. В. Бауло дважды, в 2000 и в 2002 г., осматривал святилище около деревни Вытвозгорт, где находятся амбарчик и нарты *Хоран ики*. В амбарчике лежали четыре сабли (две в ножнах и две без ножен) и железный клинок, почитаемый как младший и главный из «братьев-богатырей». К эфесам сабель были привязаны кольца, колокольчики, платки и лоскуты ткани, к рукояти клинка — «медная деталь приклада ружья (?), украшенная гербом Российской империи первой трети XIX в. и головой усатого воина». Во время посещения святилища в 2002 г. выяснилось, что одну из сабель забрал домой хранитель, так как «она оказалась необходимой для жертвенной церемонии в поселке». Фигура *Хоран ики* — сверток из дорогих тканей, сукна и платков, в верхней части которого «пришит старинный жестяной герб Российской империи, вниз орлиными головами», — настолько тяжелая, что ее с трудом поднимают четыре человека. По предположению исследователя, ее основу может составлять привезенный с одного из уральских святилищ или имеющий петроглифы камень. ⁵¹

В 2011 г. сынскими хантами был инициирован проект «Священное озеро Балбанты». Он заключался в возобновлении практики поклонения *Хоран ики* в соответствии со старыми традициями, включая посещение святилища на озере Балбанты, куда ханты не выезжали уже около пятидесяти лет. Инициатива была поддержана губернаторами ЯНАО и ХМАО — Югры Д. Н. Кобылкиным и Н. В. Комаровой и председателем Государственной Думы ЯНАО С. Н. Харючи. Проект осуществлялся в два этапа: первый этап включал проведение обрядов в деревне Вытвозгорт и на озере Хорлор (бассейн р. Сыня), второй — выезд на озеро Балбанты (Полярный Урал).

В проводимых на священных местах ритуалах «сабли» играли важную роль. На святилище около деревни Вытвозгорт хранители развели костер, открыли священные нарты, достали «сабли» и воткнули их в снег между полозьями нарт остриями вниз. Фигура *Хоран ики* была поставлена на нарте вертикально, дары и угощения разложены перед ней. От Государственной Думы ЯНАО и ее пред-

⁵⁰ По определению А. П. Зыкова, «священный топорик» — стрелецкий бердыш второй половины XVII — начала XVIII в.

⁵¹ См.: Сынские ханты. Новосибирск, 2005. С. 168, 169.

седателя С. Н. Харючи в дар сынскому боже-ству была поднесена новая сабля с окружной символикой, при этом был совершен обряд заклания оленя. Участники обряда, «встав перед лицом бога, клали голову», т. е. троекратно кланялись и поворачивались посолонь. Кровью жертвенного животного хранители мазали само изображение божества и священные нарты. Принесенные в дар лоскуты материи были привязаны к эфесам «сабель», на фигуру *Хоран ики* надеты новые «одежды» (сукно, платки). На следующий день мужчины отвезли часть прикладов из священных нарт и амбарчика на озеро Хорлор и провели обряд на священном месте *Нак пай*, где в дар сынскому боже-ству была принесена казацкая сабля от Уральского отделения Русского географического общества.

На озере Балбанты и ручье Балбантывис, по рассказам, было два обрядовых места — на восточной, сынско-ляпинской, стороне и на западной, «горной». Добравшимися до священного озера участниками проекта на восточной стороне было обнаружено пять богатей-яланей (деревянных остроголовых идолов) с остатками даров и несколько деревьев с воткнутыми в стволы ножами. На западной стороне озера обрядовое место найти не удалось, поэтому, по решению старейшин, на стволах деревьев было вырублено пять новых изображений богатей. Совершаемые обряды примечательны вниманием к доставленным с сынских святилищ артефактам: привезенные «сабли» были выставлены перед идолами, а монеты и другие металлические предметы от старых прикладов оставлены на льду священного озера.

27–30 марта 2013 г. в Салехарде прошел VII съезд коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. За поддержку проекта «Священное озеро Балбанты» С. Н. Харючи в дар от сынской земли был вручен мужской пояс, освященный во время проведения обрядов на святилищах *Хоран ики*, и покрывало с вышитыми тетерками (дар-оберег его семьи).

В заключение отметим, что шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями явля-

ют собой яркие примеры исторических и современных форм русско-угорско-самодийского диалога и проявлений этничности. Самое раннее документальное свидетельство приведения к шерти югорской элиты — описание церемонии заключения Усть-Вымского договора о мире 1484 г. Представленные в русских летописях события и сохранившийся текст шерти позволяют оценивать договор как пакт о ненападении двух враждующих сторон — участников организованного великим князем Иваном III Васильевичем похода 1483 г. «на великую реку Обь» и кодских и югорских князей, — пакт, дополненный соглашением о создании кодско-югорской коалиции против Ляпинского княжества. Процедура заключения мира представляла собой сложное процессуально-ритуальное действие, где каждая из сторон (язычники и православные) совершала клятву-обряд согласно своей вере. Церемония включала использование культовой атрибутики и ритуальной пищи, особое ритуальное поведение и символические действия, речевую мотивацию.

После присоединения сибирских земель и народов к Русскому государству обряд шертования был упрощен и адаптирован к потребностям метрополии. Так, зная силу клятвы вогулов, остяков и самоедов на медвежьей шкуре, казаки и воеводы, а позднее губернские и волостные чиновники включали древнеугорскую традицию в церемонию шерти-присяги туземной элиты великим московским князьям, а впоследствии русским (российским) государям. В административных практиках управления сибирскими туземцами «правопреемница» шерти — «медвежья присяга», — а также клятва перед образами языческих богов в судебных разбирательствах сохраняются до конца XIX в. А отдельные элементы церемонии заключения Усть-Вымского договора о мире, например использование оружия, обнаруживаются в культах и ритуалах северных угров и самодийцев (пляски с саблями, богатые арсеналы угорских святилищ), причем ритуальные практики с использованием оружия отличаются функциональным разнообразием.

Ключевые слова: шерть, «медвежья присяга», пляска с саблями, Усть-Вымский договор о мире 1484 г., туземная элита, административные практики управления сибирскими инородцами

Аннотация: В статье анализируется самое раннее документальное свидетельство приведения к шерти югорской элиты — описание церемонии заключения Усть-Вымского договора о мире (1484) между участниками организованного великим князем Иваном III Васильевичем похода на вогульского князя Асыку «на великую реку Обь» (1483) и побежденными югорскими и кодскими князьками. Главным моментом шертования стало сооружение своеобразного культового объекта, где каждая из сторон могла совершить клятву-обряд «по своей вере». Процедура включала использование культовой атрибутики и ритуальной пищи, особое ритуальное поведение и символические действия участников и речевую мотивацию. После присоединения сибирских земель и народов к Русскому государству обряд шертования был упрощен и адаптирован к потребностям метрополии. В административных практиках управления сибирскими туземцами «правопреемница» шерти — «медвежья присяга», — а также клятва перед образами языческих богов в судебных разбирательствах сохраняются до конца XIX в. Отдельные элементы церемонии заключения Усть-Вымского договора о мире, например использование оружия, обнаруживаются в культах и ритуалах северных угров и самодийцев (пляски с саблями, богатые арсеналы угорских святилищ).

Elena V. Perevalova

Candidate of Historical Science, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS

(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: elena_perevalova@mail.ru

SHERT, “BEAR OATH” AND SABRE DANCE

The article presents an analysis of the earliest documentary evidence of swearing in (shert) of the Yugra elite — description of the ceremony of signing the Ust-Vym peace treaty (1484) between the participants of the military campaign against the Vogul Prince Asyka “to the great river Ob” (1483) organized by the Great Prince Ivan III Vasiljevich and the defeated Yugra and Koda chieftains. The key point of the swearing in ceremony was the erection of a certain ritual site where each of the parties could make oath — go through the ceremony “according to their faith”. The procedure included the use of ritual attributes and ritual food, specific ritual behavior and symbolic actions of the participants together with speech motivations. After the Siberian lands and peoples were annexed by the Russian state the swearing in ritual was simplified and adapted to the requirements of the metropolis. In administrative practices of the Siberian natives administration the successor to ‘shert’ — a ‘bear oath’ — as well as an oath in front of the images of pagan deities in court proceedings were maintained until the end of the 19th century. Some elements of the ceremony of signing of the Ust-Vym peace treaty, for instance, the use of arms, were found in the ritual practices of the Northern Ugriic and Samody peoples (saber dances, rich armories of the Yugra sacred places).

Key words: *chert*, “bear oath”, *dancing with swords*, *Ust-Vymsky peace treaty in 1484*, *a native elite*, *administrative management practices Siberian natives*.

REFERENCES

- Andreev A. I. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), 1947, № 7, pp. 84–103. (in Russ.).
- Bakhrushin S. V. *Nauchnye trudy* [Scientific papers]. Moscow, 1955, Vol. 3, Part 2, pp. 86–152. (in Russ.).
- Baulo A. V. *Atributika i mif: metall v obryadakh obskikh ugrov* [Paraphernalia and myth: metal rites Ob-Ugriic peoples]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 2004, 160 p. (in Russ.).
- Chernetsov V. N. *Materialy i issledovaniya po arkheologii* [Materials and research in archaeology], 1957, № 58, pp. 136–245. (in Russ.).
- Chernetsov V. N. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), 1947, № 6–7, pp. 159–183. (in Russ.).
- Gemuev I. N. *Mirovozzrenie mansi: dom i kosmos* [Mansi outlook: House and space]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990, 232 p. (in Russ.).

- Golovnev A. V. *Govoryashchie kultury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Talking culture. Samo-yed and Ugrian traditions]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1995, 607 p. (in Russ.).
- Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* [Sources on the ethnography of Western Siberia]. Tomsk: TGU Publ., 1987, 284 p. (in Russ.).
- Istoriya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga s drevnosti do kontsa XX veka* [History of the Khanty-Mansiysk autonomous okrug from antiquity to the end of the XX century]. Ekaterinburg: "Volot" Publ., 1999, 304 p. (in Russ.).
- Konev A. Yu. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography), 2006, Issue 6, pp. 172–177. (in Russ.).
- Leshchenko V. Yu. *Ispolzovanie vostochnogo serebra na Urale* [Using oriental silver in the Urals]. Darkevich V. P. *Khudozhestvennyy metall Vostoka* [Art metal East]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1976, pp. 176–188. (in Russ.).
- Morozov V. M., Parkhimovich S. G., Shashkov A. T. *Ocherki istorii Kody* [Essays on the History Cody]. Ekaterinburg: "Volot" Publ., 1995, 192 p. (in Russ.).
- Nyagan. Goroda na istoricheskom fone Nizhnego Priobya* [Nyagan. Cities on the historical background of the Lower Ob]. Ekaterinburg, 1995, 146 p. (in Russ.).
- Ocherki istorii Yugry* [Essays on the History of Ugra]. Ekaterinburg: "Volot" Publ., 2000, 402 p. (in Russ.).
- Pelikh G. I. *Proiskhozhdenie selkupov* [Origin Selkups]. Tomsk: TGU Publ., 1972, 424 p. (in Russ.).
- Perevalova E. V. *Severnye khanty: etnicheskaya istoriya* [Northern Khanty: ethnic history]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1995, 414 p. (in Russ.).
- Perevalova E. V. *Ural'skii istoricheskii vestnik* (Ural Historical Journal), 2010, № 1(26), pp. 117–129. (in Russ.).
- Shashkov A. T. *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov, Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu istoricheskogo fakulteta UrGU* [Historical science at the turn of the century. Proceedings of the conference dedicated to the 60th anniversary of the faculty of history of USU]. Ekaterinburg: "Volot" Publ., 2000, pp. 94–108. (in Russ.).
- Shashkov A. T. *Materialy II Sibirskogo simpoziuma «Kulturnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri»* [Siberian Materials II Symposium "Cultural heritage of the peoples of Western Siberia"]. Tobolsk, Omsk: OmGPU Publ., 1999, pp. 168–171. (in Russ.).
- Sokrovishcha Priobya: Zapadnaya Sibir na torgovykh putyakh srednevekoviya* [Treasures Priobja: Western Siberia on the trade routes of the Middle Ages]. Salekhard; St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh Publ., 2003, 96 p. (in Russ.).
- Synskie khanty* [Khanty Synskie]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 2005, 352 p. (in Russ.).
- Ust-Poluy: I v. do n. e.: katalog vystavki* [Ust-Polui: 1st century BC: exhibition catalog]. Salekhard; St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2003, 76 p. (in Russ.).
- Zuev A. S. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Novosibirsk State University), 2005, Vol. 4, Issue 2, pp. 27–33. (in Russ.).
- Zykov A. P., Koksharov S. F., Terekhova L. M., Fedorova N. V. *Ugorskoe nasledie* [Ugric heritage]. Ekaterinburg: Vneshtorgizdat Publ., 1994, 160 p. (in Russ.).